

АНАЛИЗ РЕЧЕЙ КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЕВ И ВОССОЗДАНИЯ
ФРАГМЕНТА НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА «СУД»
(на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)

Нестеренко К.В.

АНАЛІЗ ВИСЛОВЛЮВАНЬ ЯК ЗАСІБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЇВ І ВІДТВОРЕННЯ ФРАГМЕНТУ НАЇВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ „СУД”

(на прикладі роману Ф.М. Достоевського „Брати Карамазови”)

У статті аналізуються висловлювання героїв роману „Брати Карамазови” на суді і авторська мова, що сприяє характеристиці героїв, які втілюють певну ідею, і дає можливість уявити, яким автор бачить суд в Росії.

Ключові слова: висловлювання героя, авторська мова, ідея, суд.

Нестеренко К.В.

АНАЛИЗ РЕЧЕЙ КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЕВ И ВОССОЗДАНИЯ ФРАГМЕНТА НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА «СУД»

(на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)

В статье анализируются речи героев романа «Братья Карамазовы» на суде и авторская речь, что способствует характеристике героев, воплощающих определенную идею, и дает возможность представить, каким видится автору суд в России.

Ключевые слова: речь героя, авторская речь, идея, суд.

Nesterenko K.V.

ANALYSIS OF UTTERANCES AS THE MEANS OF CHARACTERISTICS OF THE CHARACTERS AND RECONSTRUCTION OF A PART OF THE NAIVE PICTURE OF THE WORLD ‘COURT’

(on the example of the novel by Dostoevsky “The Karamazov Brothers”)

The utterances of the characters of the novel that embody definite ideas, and the author’s speech are analyzed in the article, and that facilitates the characteristics of the characters and gives the possibility to imagine the author’s view to the court in Russia.

Key words: utterance of the character, author’s speech, idea, court.

Особенностью романа Ф.М. Достоевского М. Бахтин называл свободу и самостоятельность героев в структуре романа, «подлинную полифонию полноценных голосов», которые в уникальном соединении множественности сознаний и разнородности материалов создают единое целое, «полифонический роман» [1]. Герои Достоевского – носители различных идей, и, действуя согласно им, высказывая свои идеи, одновременно и опровергают себя. На основе множества опровержений и отрицаний, по мнению автора, возможно прийти к истине.

В основе романа «Братья Карамазовы» (по замечанием некоторых исследователей, – это «сыщицкий роман», но без сыщика (В. Шкловский), «полицейско-философско-христологический роман» (Н. Струве) [цит. по 5] лежит убийство помещика Федора Карамазова. С этим убийством так или иначе связаны все персонажи. В убийстве отца ложно обвинен его сын Дмитрий Карамазов. Внешняя драма накладывается на внутреннюю драму героев – мысли Ивана Карамазова, чувства Дмитрия, духовные искания Алеша. В основе поэтики романа – вопрос о праве сына восстать против отца, что и определяет нравственные позиции

героев.

Роману «Братья Карамазовы» посвящены глубокие исследования многих выдающихся ученых, таких как Л. Гроссман, М. Бахтин, В. Розанов, Н. Бердяев, В. Набоков, В. Шкловский, Е. Ковина, Е. Мелетинский и мн. др. В работах отмечается продуманность структуры романа, важность каждого фрагмента в нем, тщательная разработка Достоевским всех эпизодов. Писателем выведены типы людей: богоборец Иван Карамазов, кающаяся грешница Грушенька, «блудный сын» Дмитрий Карамазов и др. В рамках развития идейной и сюжетной коллизий в романе показан пореформенный суд в России (см., например, [4, с. 149]). Изображения судебного разбирательства, поведения и речи на нем героев, авторское описание и ремарки играют важную роль в идейной и сюжетной структуре романа – как возможность постичь истину и понять истинное правосудие. Анализ сцен суда может способствовать воссозданию фрагмента общей русской наивной картины мира «суд», а анализ речей героев также послужит дополнительной характеристикой героев произведения и идиостиля писателя. Цель статьи – проанализировать речь героев и авторскую речь в сценах суда в романе.

По наблюдениям Е.М. Милетенского, в романе отчетливо выделяются речи повествовате-

ля, исповедательные речи действующих лиц, конфликтные сцены, поучения старца Зосимы, «Легенда о Великом инквизиторе» [4, с.172].

В книге 12 «Братьев Карамазовых», которая называется «Судебная ошибка», подробно описан суд над Дмитрием Карамазовым. В ходе судебного следствия поочередно появляются практически все его главные герои. Рассказ о нем вводится повествованием автора, а также авторскими ремарками типа «рассказывали», «говорили», «знали», «ходило несколько анекдотов» и пр., отсылающими на мнения и разговоры в обществе. В описании суда автор строго придерживается последовательности процедуры и порядка появления на нем председателя суда, прокурора, адвоката, свидетелей. Проанализируем их речь в порядке их появления пред читателем.

Характеристика поведения и показаний Ракитина на суде принадлежит автору. Автор ироничен по поводу так называемого «благородства» Ракитина, передавая его высокопарные высказывания о беспорядке и «безурядице» в России. Иронию автора поддерживает описание ловкого хода защитника Фетюковича, который, используя доскональное знание материалов дела, выводит на чистую воду «благородство» Ракитина. Ракитин как носитель либерально-революционных идей в романе полностью нивелирован. Когда ему приходится отвечать на вопросы Фетюковича по существу, автор облачает его ответы в прямую речь, и в репликах Ракитина читатель видит растерянность и беспомощность: «–Я написал не для печати... это потом напечатали...»; «Я не могу отвечать за все мои знакомства... Я молодой человек... и кто же может отвечать за всех тех, кого встречает...»; «Это была шутка... Я не вижу, почему это вас может интересовать» и пр.

Идейная роль Алеши Карамазова в романе определяется как воплощение совести, бескорыстия и целомудрия. Не случайно окружающие называют его то «ангелом», то «херувимом». Алеша принимает активное участие в жизни практически всех героев романа, которые посвящают его в свои тайны, откровенно рассказывая, что у них на душе. По сюжету, сам Алеша переживает множество испытаний – смерть своего духовного наставника отца Зосимы, убийство родного отца, обвинения и осуждение брата Дмитрия, смерть мальчика Илюши, духовный кризис Ивана и др. На суде Алеша ведет себя искренне, скромно и сдержанно. Он не скрывает пред судом того, что ему известно о конфликте Дмитрия с отцом. Допрос Алеши как свидетеля прокурором передан в форме диалога, ответы Алеши кратки, по существу, он говорит о том, в чем он убежден. Затем к допросу присоединяется защитник. Алеша, увлекаясь, становится более эмоциональным, раскрывает свои мысли, не заботясь о том, какое впечатление это

произведет на суд. Из его слов виден противоречивый характер Мити, который время от времени восклицает что-то в подтверждение рассказываемого Алешей и не боится выглядеть нелюбезно перед судом: «Захотел лучше остаться в ее глазах вором, но не отдал, а самый главный позор был в том, что и вперед знал, что не отдам! Прав Алеша! Спасибо, Алеша!» Своими показаниями, как видим, Алеша способствовал нравственному осознанию Митей своей вины в неблагоприятных мотивах. Рассказ о его допросе прерывается резко после этой фразы Мити, а в дальнейшем поведении Алеши автор отметил его удовлетворение фактом того, что он немного способствовал суду в установлении истины.

Допрос Катерины Ивановны передан в форме косвенной речи, она перемежается с авторскими оценочными комментариями и размышлениями. В описание допроса Катерины Ивановны включены ссылки на т.н. общественное мнение, на то, как расценивались показания Катерины Ивановны присутствующей в зале публикой и в последующих разговорах по городу. Выступая свидетелем, Катерина Ивановна эмоциональна, она мечется между двумя братьями. Ее высказывания длинные, поскольку она пытается передать то, что знает в подробностях. В ее речи факты перемежаются с выражением чувств. Она, с одной стороны, намеревается отомстить Мите, с другой – видна ее любовь к нему. Ее иступленная речь прерывается репликами Мити, такими же неупорядоченными и эмоциональными, как чувства Катерины Ивановны. Это чувства на грани – любовь, ненависть, месть. «За многое мы друг друга ненавидели, Катя, но клянусь, клянусь, я тебя и ненавидя любил, а ты меня – нет!» – восклицает Митя. Несмотря на это, искренность показаний Катерины Ивановны поначалу потрясла и прокурора, и адвоката, и членов суда, которые выслушали ее в благоговейном «так сказать даже стыдливым молчании», и «что-то симпатичное пронеслось в пользу Кати».

Появление Грушеньки в суде автор предваряет словами «катастрофа, которая, разразившись внезапно, действительно, может быть, погубила Митю». Речь Грушеньки передана в форме косвенной речи, а ее изложение напоминает действительный судебный протокол: «пакета с деньгами она не видала, а только слыхала от «злодея», что есть у Федора Павловича какой-то пакет с тремя тысячами» и пр. Однако те фразы из ее допроса, что повлияли на мнение членов суда, переданы автором в форме фрагментов диалога «прокурор – Грушенька», «защитник – Грушенька». Всего несколько фраз Грушеньки на суде подтверждают общую характеристику данного образа – грешницы, стоящей на распутье между чувствами и нравственными угрызениями: «Я во всем виновата, вместе на каторгу пойдём!» – восклицала

она во время ареста Мити, о чем напомнил на суде прокурор. И на суде: *«как он сказал, что невиновен, я ему тотчас поверила, и теперь верю, и всегда буду верить: не таков он человек, чтобы солгал!»*.

И если поведение Грушеньки было всего лишь преддверием катастрофы, то появление Ивана Федоровича в суде названо автором *«внезапная катастрофа»*. Иван появляется измученным, имеющим болезненный вид. Вначале он дает краткие отрицательные ответы членам суда, отстраняясь от участия в нем, однако потом его поведение резко меняется и Иван делает сенсационное признание в том, что убил Смердяков, что деньги у него, Ивана, и о том, что сам желал смерти отца: *«Убил отца он, а не брат. Он убил его, а его научил убить... Кто не желает смерти отца?»*. Такое признание оказывается необходимым для очищения его души, к очищению души он призывает и всех присутствующих своими иступленными выкриками: *«То-то и есть, что в уме... и в подлом уме, в таком же как и вы, как и все эти... р-рожги! – обернулся он вдруг на публику. – Убили отца, а притворяются, что испугались, – проскрежетал он со злым презрением. – Друг перед другом кривляются. Все желают смерти отца. Один гад съедает другую гадину... Не будь отцеубийства – все бы они рассердились и разошлись злые... Зрелищ!»*. Необыкновенно возбужденное поведение в суде Ивана выражено с помощью экскламативных коротких фраз, большая часть из которых содержат лишь его эмоции, иногда бредовые. В иступлении Иван называет себя убийцей, исповедуясь во внутреннем желании убить отца.

Поведение и речь Мити на суде представлена отдельными репликами, заканчивающимися восклицательным знаком, доказывающими его импульсивный характер. На фоне многословных высказываний других героев реплики Мити привлекают внимание своей краткостью. Осуждение в убийстве Митя встречает как искупление за свою ненависть к отцу, за то, что совершил убийство мысленно. Он принимает наказание не за то, что сделал, а за то, что мыслил сделать. Как писал сам Достоевский, Митя *«очищается сердцем и совестью под угрозой несчастья и ложного обвинения. Принимает душой наказание не за то, что он сделал, а за то, что он был так безобразен, что мог и хотел сделать преступление, в котором ложно будет обвинен судебной ошибкой. Характер вполне русский: гром не грянет – мужик не перекрестится»* (цит. по [2]). В своем последнем слове Митя исповедуется, раскрывает душу, признается в безудержном и диком характере своем, соглашаясь с прокурором в том, что тот рассказал много правды о нем, благодарит защитника за его старания. Речь Мити свидетельствует о его искренности, о его внутреннем покаянии. Он просит о пощаде, он

готов к покаянию.

Вердикт присяжных он встречает в иступлении: *«– Клянусь богом и страшным судом его, в крови отца моего невиновен!»*.

То, как раскрываются герои в своих речах на суде, может служить дополнительным доказательством выводов М.М. Бахтина о свободе и самостоятельности героев романа по отношению к его автору в структуре романа, о том, что слово героя также полномерно, как и обычное авторское слово. На суде практически каждый из героев может высказаться и изложить свою позицию, но ни один не располагает истиной.

Если речевая характеристика героев служит для оценки их самих, их идей, то речи прокурора, адвоката, других участников судебного заседания могут служить характеристикой автором самой процедуры суда, судебного учреждения как такового. Проанализируем речи прокурора и адвоката на суде над Дмитрием Карамазовым как должностных лиц, как олицетворение существующей системы судопроизводства.

Обвинительная речь прокурора Ипполита Кирилловича вводится словами автора, в которых звучит грустная ирония. Хотя автор подчеркивает старание прокурора отличиться в данном деле, его уверенность в правильности своей позиции. Однако упоминание о том, что прокурору после этого дела суждено было прожить всего девять месяцев, в восприятии читателя делает все описываемые амбиции прокурора малозначимыми. Ироничным воспринимается и желание Ипполита Кирилловича *«спасти общество»*.

Далее в форме прямой речи передается сама речь прокурора, обобщающая, с его точки зрения, обстоятельства дела до размеров общественно значимого явления: *«В расшатанных ли до основания нравственных началах наших, или в том, наконец, что этих нравственных начал, может быть, у нас совсем не имеется»*, – делает вывод прокурор о причине равнодушия и незаинтересованности общества в причинах уголовных преступлений. На фоне либеральных заключений о судьбе России и ее символического воплощения в тройку, он дает психологически и социально достоверные характеристики Мите, Ивану, Федору Павловичу, а также делает выводы об обязанностях отца.

В своей речи прокурор умело пользуется средствами риторики, обращениями к публике, вовлечением ее в ход своих мыслей, приводя наглядные примеры. Иногда прокурор увлекается до такой степени, что уходит далеко от сути вопроса. Тогда многословная речь героя прерывается словами автора, как бы направляя его говорить по существу. Тем не менее, как было уже замечено, Ипполиту Кирилловичу принадлежат весьма точные наблюдения и над характерами Карамазовых, и над

широкой русской натурой, способной вместить в себя противоположные начала: *«натуры широкие, карамазовские... способные вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения»*.

И далее снова следует монолог прокурора, рисующий психологические портреты участников драмы, объясняющие мотивы их поступков. Упоминание о том, что в мыслях у Мити давно возникло желание убить отца, дает возможность прокурору сделать вывод о том, что преступление было совершено намеренно и обдуманно. В своей речи прокурор рассказал и о Смердякове и опровергал попытки указать на него как на убийцу. Монологи прокурора длинные, предложения состоят из примерно 30 - 40 слов, предложения с разными типами связи, показывающими, как прокурор пытается охватить все связи в жизни. В начале эти монологи прерывались словами автора, впоследствии стали следовать один за другим и прерывались словами автора только при переходе на другую главу.

В своих обвинениях прокурор усматривает *«животную хитрость»* Карамазова, а его признание в желании убить отца объясняет его лицемерием, желанием признать меньшую вину и избежать тяжкой.

В описании речи прокурора Ипполита Кирилловича сквозит авторская ирония. Ирония проявляется, прежде всего, в тщательной передаче многословных, тяжеловесных, иногда спекулятивных инсинуаций прокурора по поводу мотивов убийства, в высокопарности его заключительного обращения к присяжным: *«Вспомните, что вы защитники правды нашей, защитники священной нашей России, ее основ, ее семьи, ее всего святого! Да, вы здесь представляете Россию в данный момент, и не в одной только этой зале раздастся ваш приговор, а на всю Россию; и вся Россия выслушает вас, как защитников и судей своих, и будет ободрена или удручена приговором вашим»*.

Ирония ощутима уже при первом представлении автором прокурора, ирония в отношении его неудовольственного честолюбия, страсти к психологии, желания сразиться и одолеть знаменитого защитника, указания на главную цель в его жизни – *«быть передовым человеком»*. Все эти первоначальные положения впоследствии в подробностях проявятся в речах прокурора на суде. Ирония звучит не только в адрес прокурора как личности, но и в адрес прокурора как представителя либерализма в России. Как заметил один из публики во время обсуждения заключительной речи прокурора: *« – Это он либерализму подкуривал. Боится!»*.

С защитником Фетюковичем читатель знакомится в самом начале книги о суде над Дмитрием Карамазовым. Фетюкович – знаменитый, с ре-

путацией, адвокат. Речь его на суде, как говорит сам автор, делится на две половины: *«первая половина – это критика, это опровержение обвинения, иногда злое и саркастическое. Но во второй половине речи как бы вдруг изменил и тон, и даже прием свой, и разом возвысился до патетического, а зала как будто ждала того и вся затрепетала от восторга»*.

Защитник Фетюкович ловко и искусно ставит под сомнение факты дела, критикуя обвинения Мити в грабеже и убийстве. Защитник ведет тонкую игру и в отношении своего оппонента, признавая и всячески подчеркивая его достоинства и привлекая тем самым на свою сторону членов суда, и действительно, получая одобрение присутствующих. Монологи защитника, хоть и предваренные ремарками автора, о том, что они менее многословны и содержат меньше психологии, все же очень длинные. В них – рассуждения по делу, психологические зарисовки, анализ фактов, который перемежается с риторическими вопросами, предположениями, вовлечением публики в ход мыслей защиты. Фетюкович подвергает сомнению факт наличия денег и доходит до отрицания самого факта убийства Дмитрием отца. Заканчивает Фетюкович свою речь пронзительным обращением к чувствам и долгу присяжных вынести справедливое решение: *«Вспомните, вам дана необъятная власть, власть вязать и решить. Но чем сильнее власть, тем страшнее ее приложение!»*. Продолжая, Фетюкович склоняет присяжных к христианскому гуманизму и милосердию: *«В области же действительной жизни, которая имеет не только свои права, но и сама налагает великие обязанности, – в этой области мы, если хотим быть гуманными, христианами, наконец, мы должны и обязаны проводить убеждения лишь оправданные рассудком и опытом, ..., действовать разумно, а не безумно, как во сне и в бреду, чтобы не нанести вреда человеку, чтобы не измучить и не погубить человека»*.

Речь Фетюковича была встречена публикой, сидящей в зале, с пониманием и поддержкой, она прерывалась рукоплесканиями из зала, о чем, прерывая монологи защитника, время от времени сообщает автор.

В своей речи Фетюкович выражает идею того, что человеку нужно помочь очиститься, раскаяться, дать шанс на спасение и возрождение души. Человек, к которому проявили любовь, не может не ответствовать в своих чувствах, не может не стать лучше. Спасение человека от греха – не через покарание, а через милосердие, любовь, через возможность осознать свою ошибку и покаяться. Фетюкович еще раз напоминает русский принцип: лучше отпустить десять виновных, чем наказать одного невинного, о том, что *«русский суд есть не кара только, но и спасение человека по-*

гибшего!»), что очень подходит в ситуации с Митей Карамазовым. Проникновенно звучат слова защитника о своеобразии русского суда: *«Пусть у других народов буква и кара, у нас же дух и смысл, спасение и возрождение погибших!»*.

В заключительных дебатах по делу прокурор пытается снизить значение и влияние эмоционального выступления защитника, доходит даже до цинизма. Прокурор по-своему трактует христианский подход к суду над человеком, цитируя Христа, велевшего *«мерить в ту меру, в которую и вам отмеряют»*. Далее прения прокурора и защитника переданы автором в третьем лице, что дает возможность подчеркнуть реакцию публики на различные реплики оппонентов – поддержку Фетюковича и, как замечает автор, ссылаясь на мнение дам, полный крах Ипполита Кирилловича.

Конец судебного заседания автор описывает сам: все были утомлены, и председатель суда *«был очень утомлен»*, Фетюкович принимал поздравления, шли обсуждения присутствующих. Обсуждения представлены в форме многочисленных реплик диалога, что показывает их активность. Вердикт присяжных «виновен» был неожиданностью на процессе, однако не стал неожиданностью для читателя, подготовленного автором к такой развязке. Во-первых, книга двенадцатая, в которой описан судебный процесс, называется «Судебная ошибка». Название отдельных глав, из которых состоит книга, также имеют значащие названия, например, «Внезапная катастрофа». Другие названия глав отражают последовательность судебной процедуры или отражают их содержание. В своих ремарках автор с самого начала замечает *«необыкновенную силу обвинения сравнительно со средствами, которые имела защита»*, или то, как *«все чувствовали неотразимость обвинения»*. Подробно представлены присяжные, среди них четыре чиновника, два купца, шесть крестьян и мещан. Это мелкие, незначительные люди, и их состав вызывает риторические вопросы автора: *«Что могут такие в таком деле?»*. *«Неужели такое тонкое, сложное и психологическое дело будет отдано на роковое решение каким-то чиновникам и, наконец, мужикам, и что-де поймет тут какой-нибудь чиновник, тем более мужик?»*, – внутренне отрицает возможность подобного суда автор. Малозначащими оказываются, как свидетель-

ствует анализ их речей, и экспертизы несколько недалекого доктора Герценштрубе и молодого амбициозного врача Варвинского, чьи образы иронично описаны в романе.

Проанализировав сцены суда над Митей Карамазовым в романе Достоевского «Братья Карамазовы», речи героев, авторские ремарки и комментарии, художественную структуру романа, приходим к выводу о том, что, по Достоевскому, суд людской не оправдывает возложенной на него функции быть орудием справедливости. Здесь он подвержен людскому фактору, что невозможно при совершении истинного правосудия. Справедливость, по Достоевскому, не в юридической сфере, там, где важными оказываются понятия вины и наказания. Справедливость может быть перед самим собой, в осознании своих деяний, и перед Богом, а воздаяние наступит в другой, вечной жизни.

Учитывая эпичность изображения русской жизни в романе Достоевского «Братья Карамазовы», его несомненные художественные достоинства, которые отмечают все исследователи романа и творчества писателя, перспективы дальнейших его исследований практически неограниченны. Перспективами дальнейших исследований фрагмента русской картина мира «суд» предоставляет все многообразие русской литературы XIX века, где во многих произведениях показан суд пореформенной России и высказано отношение к нему автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского/М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1963, – 364 с.
2. Геращенко А.Е. Катарсис. Очищение через покаяние в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: // http://samlib.ru/g/gerashenko_a_e/katarsis
3. Гроссман Л.П. Материалы к биографии Ф.М. Достоевского (даты и документы) //Ф.М. Достоевский. Собр.соч. в 10 тт. Т.10. – М.: Гос. изд-во Худ. литературы, 1958. – С.533 – 620.
4. Милетенский Е.М. Заметки о творчестве Достоевского/Е.М. Милетенский. – М.: РГГУ, 2001. – 190с.
5. Jovanovic M. Техника романа тайн в «Братьях Карамазовых» - [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://www.utoronto.ca>